

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Некрасов за границей - Рим - Париж - - Цензурные гонения на "Современник"

В 1856 году, весной, я уехала за границу на морские ванны и в конце августа получила от Некрасова письмо, в котором он просил меня встретить его в Вене, куда его послал доктор П.Д.Шипулинский [177], чтобы он посоветовался с каким-то знаменитым венским доктором относительно своей горловой болезни.

Я опасалась, что Некрасов, по незнанию иностранных языков, встретит немало затруднений добраться до Вены; но он благополучно совершил путешествие и уморительно рассказывал, как объяснялся в отелях и на железных дорогах [178].

Мрачное настроение духа, в котором он находился с тех пор, как заболело у него горло, исчезло. Он с любопытством осматривал город, ездил по театрам и как бы забыл, зачем приехал в Вену, так что я должна была несколько раз напоминать ему о необходимости отправиться к доктору.

После свидания с венской знаменитостью Некрасов снова впал в уныние. Знаменитость нашла его болезнь очень серьезной, предписала строжайший режим и велела ему ехать в Италию, где и провести зиму.

Климат Италии действительно благотворно повлиял на Некрасова. Он как бы ободрился и был не так раздражителен, но все-таки случалось, что он не хотел по два дня выходить из комнаты.

В Риме мы встретили много русских знакомых, между прочим поэта Фета с больной сестрой и П.М.Ковалевского с женой. У Ковалевского по вечерам постоянно собирались русские художники, жившие в Риме.

Хозяин дома и хозяйка всегда были так приветливы к ним, что даже самые нелюбимые из них охотно шли к Ковалевским провести вечер. Фет и Некрасов тоже с удовольствием проводили там вечера. Сидя у Ковалевских, можно было забыть, что находишься далеко от родины [179]. Мы прожили в Риме довольно долго, и он, наконец, порядком надоел Некрасову. По совету Н.П.Боткина мы отправились в Неаполь.

Этот город очень понравился Некрасову; он по целым вечерам сидел на балконе, любовался морем и Везувием и слушал с удовольствием певца, который каждый вечер являлся к балкону. Он настолько почувствовал себя хорошо, что в компании русских знакомых и Н.П.Боткина взобрался на Везувий, на самый кратер.

Но когда начались сильные жары, Некрасов стал чувствовать слабость, бессонницу и сильное нервное возбуждение; надо было поскорее увезти его из Неаполя. Он пожелал ехать в Париж, куда его звал Тургенев.

Не очень-то хотелось мне ехать в Париж, но нельзя было оставить больного человека без знания языка, и я, скрепя сердце, поехала [180].

Некрасов, напротив, рвался свидеться с Тургеневым. Тургенев целые дни проводил с Некрасовым, показывая ему Париж, и уговорил его ненадолго съездить в Лондон, к Герцену; по возвращении оттуда Некрасов тщательно скрыл от меня - виделся ли он с Герценом или нет? [181].

Вскоре Тургенев познакомился с одним аристократическим, княжеским, русским семейством и перестал возиться с Некрасовым. Он приходил только перед обедом, чтобы вместе идти в какой-нибудь ресторан, потому что утро у него было занято визитами, а вечера он проводил в княжеском салоне.

В Париже находилось еще несколько русских общих знакомых - не литераторов, которые приходили обедать в тот же ресторан; они принимали живое участие в Тургеневе и в его отсутствие строили предположения о том, что он намерен жениться на княжне N. [Мещерской], тем более, что и сам Тургенев постоянными своими разговорами о ней подавал к этому повод [182].

Некрасов однажды спросил Тургенева:

- Ты, брат, в самом деле не задумываешь ли жениться? Это будет верх глупости с твоей стороны, и я этого не ожидал от тебя.

Тургенев на это ответил с оттенком неудовольствия:

- Что же, я какой-нибудь физический и нравственный урод, что для меня невозможна семейная жизнь? Остаться бобылем под старость скверная вещь, и тебе советую об этом подумать. Молодость-то наша с тобой не ахти прошла как весело, испытали мы с тобой много передряг, не быв женатыми.

- Ты можешь жениться, только не на аристократке - иначе ты погубишь себя.

Тургенев улыбнулся и ответил:

- А я иначе не женюсь, как именно только на такой девушке, которая была бы выдрессирована аристократическим воспитанием, потому что это - самая лучшая гарантия для меня в семейном спокойствии. Я был бы несчастным человеком, если б моя жена обладала вульгарными манерами. Аристократическая дрессировка женщин тем и хороша, что, если они и сердятся, то и тогда сохраняют изящество и никогда не возмутят тебя резкими выходками, к которым я питаю непреодолимое отвращение, и жить вместе с такой женщиной для меня немислимо.

- Да ведь ты сам говорил, что княжна совершенно не подготовлена к жизни, имеет детские взгляды на вещи!

- Тем лучше для меня: я могу, как из воску, вылепить себе жену, какую хочу. Я бы никогда не женился на девушке, которая уже имела жизненную опытность. То-то и привлекательно, что будешь развивать в своей жене те взгляды, которые желаешь, чтобы она имела на жизнь.

- Брось ты бывать в этом аристократическом салоне! - сказал Некрасов. - Еще влюбишься до зарезу, а родители найдут, что ты недостаточно хорошая партия для их дочери.

- О, в этом отношении я вполне гарантирован; в Париже у них плохой выбор женихов; все эти маркизы и виконты, посещающие их салон, предпочитают всегда породниться с русским купцом-миллионером или с жидом-откупщиком, нежели с русскими князьями, у которых едва хватает средств сохранить декорум достаточных людей... Княгиня придумала себе оригинальную болезнь-боль в пятках, и под этим предлогом не выезжает на балы и парадные обеды, чтобы и самой их не давать. В своем салоне она постоянно лежит на кушетке, и ее возят в креслах из комнаты в комнату. Но мне раз удалось видеть из кабинета князя, чего она не подозревала, как она отличнейшим образом может ходить. Только аристократическая женщина способна на такой героический поступок для поддержания своего достоинства.

- Есть чем восхищаться! - заметил Некрасов.

- Ну, ты об этих вещах плохой судья, - отвечал Тургенев и продолжал: - Я для того тебе это сказал, чтобы ты понял, в каком затруднении находятся в настоящее время родители с взрослой дочерью. Нельзя же, чтобы и у дочери появилась такая же боль в пятках, как у матери!.. Как видишь, мои фонды высоко стоят, если бы я только вздумал посвататься.

- Если ты не думаешь жениться, зачем же так часто бываешь в этом семействе?

- Не знаю, испытывал ли ты те ощущения, какие я испытываю, когда, после долгой русской зимы, в первый раз весной очутишься в березовой роще: деревья покрыты девственными блестящими листочками, точно лаком; в невысокой изумрудной траве выглядывают не совсем еще распустившиеся полевые цветы; воздух пропитан смолистым сочным ароматом; вдыхая его в себя, чувствуешь, как твоя душа так же обновляется и оживает, как природа.

- Я вижу, что ты задумал писать новую повесть и собираешь материал.

- Пока еще ничего не задумал писать; но во всяком случае для писателя очень важно время от времени возобновлять те юношеские ощущения, которые некогда испытывал в присутствии девушки такой же юной, как он сам. С годами эти нежные ощущения притупляются от чувственных отношений к женщинам.

Вскоре приехал в Париж писатель граф Л.Н.Толстой, и Тургенев, точно по обязанности, подробно докладывал, как Толстой держит себя в русском аристократическом салоне, где они часто сходились.

Толстой никогда ни слова не говорил о Тургеневе, а последний, наоборот, не стеснялся даже в присутствии посторонних людей делать свои замечания о нем.

Некрасов раз заметил Тургеневу:

- Ты какой-то вздор рассказываешь о Толстом, можно подумать, что он отродясь не был в таких салонах!

- Ты сегодня в хандре и придираешься ко всему! - улыбаясь, ответил Тургенев, но переменял разговор и так увлекательно стал рассказывать какой-то эпизод из своих охотничьих приключений, что нельзя было его не заслушаться.

Не могу в точности определить, в скором ли времени **по** приезде Толстого в Париж произошла следующая история.

Однажды Тургенев, против своего обыкновения, явился к нашему завтраку. Я никогда не видала его таким взволнованным. Едва войдя в комнату, он воскликнул:

- Знаешь ли, Некрасов, какую штуку выкинул сейчас со мною Толстой? Он сделал мне вызов.

Некрасов вскочил с кресел, и его без того бледное лицо буквально помертвело, а сиплый голос до того упал, что он шепотом проговорил:

- Тебе вызов?!

- Придумал глупейший предлог!

- Если бы даже был самый серьезный предлог, то вам стреляться невозможно! - дрожащим голосом сказал Некрасов.

- Чисто юнкерская выходка... я...

- Дело говори, а не глупости! - перебил его Некрасов.

- Ты сам посуди, кто бы из нас придавал серьезное значение женской сплетне? - продолжал Тургенев.

- Господи! да говори толком! - в нетерпении воскликнул Некрасов.

- Какого ты хочешь добиться толку в женской сплетне? - горячась, отвечал Тургенев. - Черт знает из каких-то своих расчетов княгине понадобилось поссорить нас!

- Едем сейчас же к Толстому, и ты разъяснишь ему, что это сплетня.

- Нет¹ я не намерен лезть к человеку, который явно придрался к пустому случаю, чтобы выместить на мне свои неудачи...

- Замолчи ты, ради Христа, - опять крикнул Некрасов на Тургенева. - Я вижу, что в самом деле тебе не следует ехать, потому что ты мелешь какой-то вздор!.. Я еду один.

- Только, пожалуйста, не проговорись, что видел меня, он еще подумает, что я подослал тебя к нему. Скажи, что узнал об его вызове от моего секунданта. Я сейчас поеду к N. и буду просить его быть моим секундantom.

Тургенев сказал это уже спокойным тоном и направился к двери.

Некрасов, собрав все силы, крикнул ему: "Погоди!" Тургенев, держась за ручку двери, повернул голову и ждал, когда Некрасов подойдет к нему.

- Ты должен выкинуть из головы мысль стреляться с Толстым, ты должен пожертвовать всем, чтобы между вами не было дуэли, иначе это будет позорное преступление!

Все это Некрасов проговорил хотя и тихо, но очень энергично. Тургенев пожал плечами и отвечал ему так же выразительно:

- Ты это не мне должен говорить, а тому, кто из-за женской сплетни сделал мне вызов!

Проговорив это, он быстро повернулся и ушел. Некрасов в изнеможении сел в кресла и в отчаянии произнес:

- Боже мой, боже мой! им стреляться! Я подала ему успокоительных капель, но он не захотел их выпить и, быстро вскочив с места, взял свою шляпу и палку и ушел, сказав мне на ходу:

- Пожалуйста, ни слова не говорите никому из наших знакомых о вызове!

Несколько дней Некрасов провел в страшной суете; он возвращался домой до такой степени измученным и мрачным, что я ни о чем его не расспрашивала. Я узнала только, что Тургенев уехал из Парижа и что дуэль отложена.

Вероятно, вследствие сильного волнения и простуды у Некрасова сильнее разболелось горло и появилась лихорадка, но о докторе он не хотел и слышать.

Я испугалась и тайком телеграфировала о его болезни во Флоренцию к Н.П.Боткину, прося последнего немедленно приехать в Париж. Н.П.Боткин приехал и уговорил Некрасова отправиться с ним к какому-то парижскому знаменитому доктору [183].

Некрасов возвратился от доктора в необыкновенно возбужденном состоянии и, едва войдя в комнату, сказал мне:

- Я попрошу вас довезти меня до русской границы, а там я и один кое-как могу добраться до Петербурга.

Некрасов знал, что я намеревалась брать морские ванны, которые помогли мне от мучительных страданий печени.

Боткин заметил, что парижский доктор посылает его жить на остров Мадеру.

- Так я и поеду в этот склеп, куда доктора отсылают полумертвецов, - раздражительно сказал Некрасов. - Я очень хорошо вижу, что все доктора сбывают меня с своих рук, зная, что болезнь моя неизлечима. Я не из тех малодушных больных, которых можно им дурачить посылками на излечение подальше от себя... Я хочу умереть в России! - и затем, снова обратясь ко мне, спросил:

- А во сколько дней вы можете уложить ваши чемоданы?

- Завтра к вечеру у меня все будет уложено.

- Отлично!.. значит, и я сейчас же начну укладывать свои вещи! - сказал он.

Но я упросила его пойти прилечь.

Боткин находил, что мне не следует везти Некрасова в Петербург, а что я должна уговорить его ехать на остров Мадеру, так как парижский доктор нашел, что это единственное средство остановить быстрое развитие горловой чахотки. Но я не хотела понапрасну раздражать больного человека. Если бы даже Некрасов и согласился поехать на остров Мадеру, то, разумеется, скоро бы там соскучился и осенью вернулся в Петербург, что было бы еще вреднее для него.

Я полагала, что Некрасову необходимо опять жить в литературной сфере, которая мешала бы ему исключительно сосредоточиться на мрачных мыслях о близкой смерти.

В Петербурге он поневоле должен был приободриться духом, так как совершавшиеся в это время государственные реформы возбуждали общее одушевление, да и с литературы был снят тот страшный гнет, под которым она изнывала почти десять лет.

Вскоре по возвращении Некрасова из Парижа в Россию, вернулся из-за границы и Л.Н.Толстой и прожил у нас на даче более двух недель, потому что дорогой захворал, и ему надо было лечиться.

Я почти не видела Толстого; он не выходил из своей комнаты и только за три или четыре дня до своего отъезда стал являться к общему обеду и завтраку. Толстой намеревался поселиться в своем имении на постоянное жительство и посвятить себя распространению сельских школ; конечно, он хотел прежде всего основать сельскую школу в своем имении и лично учить крестьянских детей, что, как известно, им и было исполнено.

Некрасов после отъезда Толстого снова впал в хандру. Хотя прежний гнет был снят с русских журналистов и казалось, что настало время полной гласности, но каждый месяц появлялись новые административные меры.

Не знаю, как было с другими журналами, но на "Современник" было обращено особое внимание администрации, потому что успех его возрастал с выходом каждой книжки.

Кроме цензурного комитета, появились еще цензоры-чиновники от разных министерств, так что все статьи, за исключением беллетристики, нужно было представлять на одобрение еще особому чиновнику, имевшему право накладывать на нее свое veto.

Перечисляю, куда должны были отсылаться статьи: в министерство иностранных дел, финансов, в министерство внутренних дел, в министерство государственных имуществ, в придворную контору и в канцелярию святейшего синода.

Бывали такие случаи, что каждый из цензирующих чинов отказывался одобрить статью, ссылаясь на то, что она, по содержанию, не касается его ведомства, так что статья совершала

кругосветное путешествие по министерствам и своевременно не попадала в ту книжку "Современника", для которой была набрана.

С получением одобрения министерских чиновников было много хлопот: надо было являться к ним, объясняться и упрашивать. В подтверждение сказанного приведу копию с одной бумаги, полученной Панаевым из министерства народного просвещения:

"Вследствие распоряжений, по высочайшему поведению сделанных, я прошу г. редактора и издателя "Современника" Панаева, завтрашнего числа, 17 апреля, поутру в 9 часов явиться к шефу корпуса жандармов и представить ему: 1) полную записку г. Кавелина, из которой сделанное извлечение о новых условиях сельского быта напечатано в апрельской книжке "Современника";

2) извлечение из этой записки в корректурных листах, которое было первоначально препровождено чиновнику от министерства внутренних дел г. Троицкому и он не одобрил [184].

Министр народного просвещения

Ковалевский.

16 апреля 1858 года".

Этот Троицкий отличался тем, что, помимо своей обязанности одобрить или не одобрить статью, присланную из редакции "Современника", часто, из любви к искусству, писал о ней пространное мнение в Третье Отделение.

Троицкий поднял гвалт, когда статья Кавелина была напечатана в "Современнике" с выброшенными им местами, отмеченными красными чернилами.

В Третьем Отделении Панаеву пригрозили, что, если он еще раз повторит подобную вещь, то журнал будет запрещен.

Кавелин также был приглашен к шефу жандармов и, как тогда говорили, ему запретили печатать свои статьи по крестьянскому вопросу. Насколько это достоверно - не знаю.

В продолжение существования комиссии об отмене крепостного права в России, где видную роль играл Милютин, в редакции "Современника" много толковали о заседаниях этой комиссии и ожесточенной борьбе двух партий - либералов и консерваторов.

Кавелин хотя не был членом комиссии, но принимал большое участие в ее работах, потому что Милютин руководствовался его знаниями и советами.

Великая княгиня Елена Павловна, как женщина высокообразованная, интересовалась ходом дела в комиссии, и на ее интимные вечера, раз в неделю, были приглашаемы Н.А.Милютин и К.Д.Кавелин, с которыми она пожелала познакомиться.

По этому случаю Тургенев говорил в редакции:

- Слышали, господа, что Кавелин сделался придворным, бывает каждую неделю по вечерам у великой княгини. Наверно к празднику получит камер-юнкерство. Очень интересно будет видеть его в камер-юнкерском мундире.

- Надо какую-нибудь овацию устроить Кавелину, когда он облачится в камер-юнкерский мундир, - сказал Дружинин.

- Да, да, - с обычным смехом поддакивал Анненков.

- Непременно. Даже надо ото всех литераторов адрес ему поднести... за то, что он поддерживает их достоинство, - произнес Тургенев.

- Я, господа, берусь нарисовать приличную виньетку к адресу, - объявил Григорович - в этой виньетке изображу, как Кавелин пешком идет из Москвы, неся под мышкой несколько книжек, потом представлю его в камер-юнкерском мундире, а в облаках над его головой амуры будут держать виц-мундир со звездой, а мы все стоим перед ним с лавровыми венками в руках...